

введена чистая известь (определения Е.Ю. Медниковой). На наш взгляд, факт использования при реставрации эксгумированных скелетов консервирующих веществ позволяет называть получившиеся имитации не куклами или муляжами, а мумиями.

Погребальный обряд не предполагал сложных хирургических операций над трупами, но процедура погребения была длительной, т.к. готовые мумии до окончательного захоронения где-то накапливали и почитали [Вадецкая, 1995, с. 113]. Если бы сроки изготовления и захоронения мумий совпадали, то не потребовалось бы обновлять гипсом глиняную маску из кургана Новые Мочаги (см. рис. 2) и, наоборот, обмазывать еще одним слоем глины гипсовые маски из кургана Кызыл-Куль. Кроме того, очевидно, мумии родственников, изготовленные в разных районах, свозили в одно место для захоронения в одной могиле, а для этого требовалось время. Данное предположение основано на химическом анализе одной маски из кургана Тепсей XVI, резко отличающейся от других из того же кургана по цвету и составу глины. В качестве связывающего материала в тесто для маски добавлен гипс, а не известь. Признаки применения такой технологии пока обнаружены только в лесостепном районе (кург. 1 у с. Береш), они не зафиксированы в более южных курганах – Новые Мочаги, Лисий, Черногорск, Тепсей XVI.

Список литературы

- Адрианов А.В.** Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. – Минусинск: Б.и., 1902 – 1924. – 76 с.
- Адрианов А.В.** О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде // Моск. ведомости. – 1904. – 12 марта (№ 73).
- Вадецкая Э.Б.** Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.
- Вадецкая Э.Б.** Исследование коллективных могил позднеатагарской культуры в верховьях Чулыма (раскопки кургана 2 у деревни Береш) // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 96 – 122.
- Вадецкая Э.Б.** Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.
- Горощенко К.** Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа // Тр. X археол. съезда в Риге в 1896 г. – М., 1899. – Т. 1. – С. 175 – 181.
- Горощенко К.** Курганные черепа Минусинского округа. – Минусинск: Б.и., 1900. – 40 с.
- Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б.** Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже нашей эры: опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 146 – 155.
- Мартынов А.И.** Лесостепная атагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 207 с.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 303 с.
- Павлов П.Г.** Преемственность атагарских и тесинских памятников на юге Хакасии // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1987. – С. 109 – 112.
- Пшеницына М.Н.** Глиняная “голова” – предшественник таштыкской гипсовой маски // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 44 – 49.
- Пшеницына М.Н.** Тесинский этап // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 224 – 235.
- Спицын А.А.** Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Зап. Рус. археол. об-ва. – 1899. – Т. 11, вып. 1/2. – С. 134 – 141.

Материал поступил в редколлегию 5.01.03 г.

УДК 903.2

С.П. Нестеров, В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

ДЕРЕВЯННЫЕ ОНГОНЫ С РЕКИ БУРЕИ

Введение

В 1989 – 1991 гг. на правом борту долины р. Буреи, в 5 км выше по течению от с. Бахирева Бурейского р-на Амурской обл. исследовалась раннесредневековая сезонная стоянка Большие Симичи (рис. 1). Топографической особенностью этого местонахождения, по сравнению с уже известными археологи-

ческими пунктами на р. Буреи (Сухие Протоки-1, 2, Букинский Ключ-1, 2, Безумка, Усть-Талакан), является его удаленность от современного русла реки (приблизительно на 250 м). Однако во время существования стоянки данное место представляло собой островную систему, а сами жилища строились на берегу одной из бурейских проток. На памятнике Большие Симичи было раскопано четыре жилища,

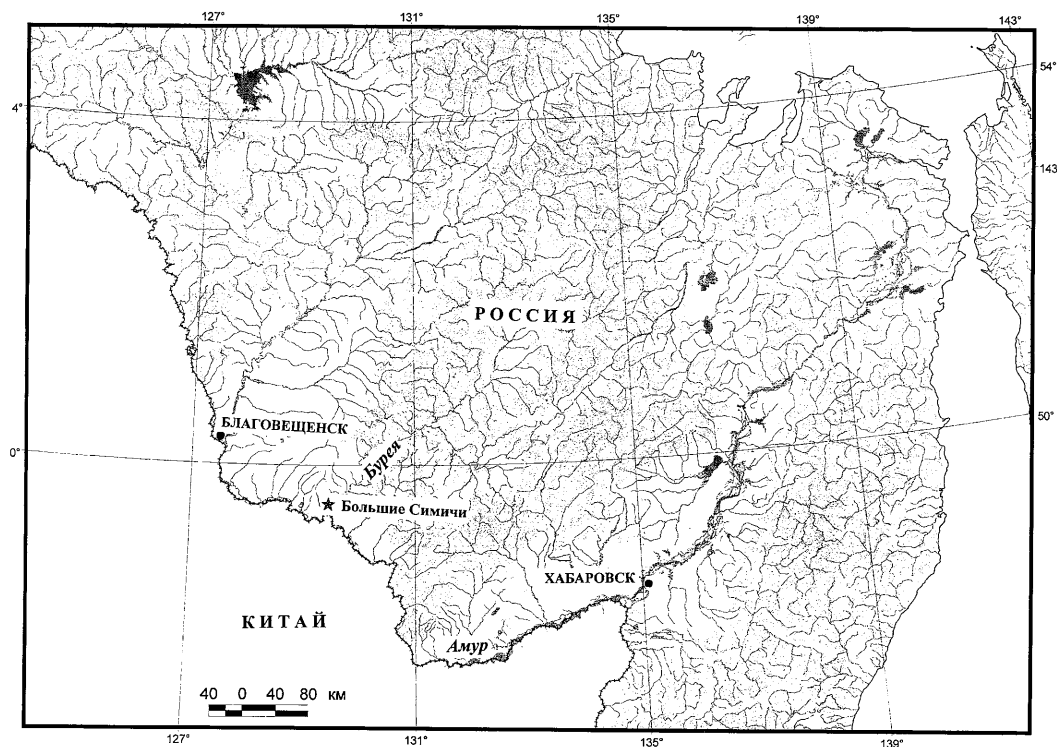

Рис. 1. Местонахождение памятника Большие Симичи.

Рис. 2. Жилище 2 на уровне рухнувшей кровли.

Рис. 3. Жилище 2 на уровне пола.

Рис. 4. Очаг в жилище 2.

которые погибли в пожаре. Исключительной находкой на данном памятнике можно считать комплекс *деревянных онгонов* из жилища 2.

Конструкция жилища 2

Остатки обугленной кровли располагались радиально от краев к середине внутренней части жилого пространства. Жерди перекрытия (стволы черной березы) были диаметром 4 – 8 см. Рама-основа жилища деформирована пожаром, поэтому исходная форма квадрата приобрела небольшую асимметрию (6,4 × 5,8 м). Рама стояла в котловане глубиной 40 – 50 см на опорных столбах (диаметры 8 – 10 см). Края котлована, вырытого в толще желтого песка, отстояли от стенок жилища на 20 – 30 см. Углы рамы выполнены внахлест. В южном и восточном угловых сочленениях обнаружены своеобразные “косынки” – короткие жерди, скрепляющие две стороны. По периметру рамы-основы (снаружи и изнутри) вбиты колы, предотвращающие развал конструкции. Рама-основа не была параллельна дну котлована (перепад составляет около 20 см), поэтому пространство между ними пере-

крыто разными способами. Юго-восточная стенка и примыкающие к ней участки двух других, где расстояние между рамой и дном котлована наибольшее, состояли из вертикально стоящих плашек, доходящих до верхнего края рамы. Там же, где это расстояние меньше, были широкие плахи, поставленные на ребро, а в одном месте аналогичным образом установленная каменная плита. В северо-западной стенке посередине был разрыв (ширина 30 см). Около него отмечены единичные следы вертикально стоявших плашек.

У юго-западной стенки, на расстоянии 3,2 м от южного угла, обнаружены следы проема шириной около 70 см. На уровне пола он имел покрытие из плотно утрамбованного и обмазанного суглинком слоя. Рама-основа здесь была подперта мощным столбом. Вдоль проема лежала узкая (8 см) тонкая плашка, поставленная на ребро, – порог (рис. 2).

В углах жилища зачищены ямки, вырытые под углом к плоскости пола, скорее всего, от несущих стропил. В восточном углу в ямке были два желобка – от двух наклонных жердей. На полу жилища также обнаружены ямки (12 шт.), некоторые из них вырыты под углом к плоскости пола. Это следы от столбов, использовавшихся для текущего ремонта кровли жилища: их подставляли под прогибающиеся стропила и крышу (рис. 3).

Очаг обнаружен в середине жилища в виде углубления четких прямоугольных очертаний (размеры 75 – 85 × 110 см). Его стенки по периметру были выложены поставленными на ребро плашками (ширина 7 – 8 см, толщина 1,5 – 2 см). На дне очажной ямы (глубина 10 – 12 см) лежали наложенные друг на друга куски бересты. К северу от очага находилась пара небольших и неглубоких ямок. У его южной торцевой стенки располагалась массивная гранитная глыба, значительно возвышающаяся над очагом. Пол вокруг очага особенно сильно утоптан (рис. 4).

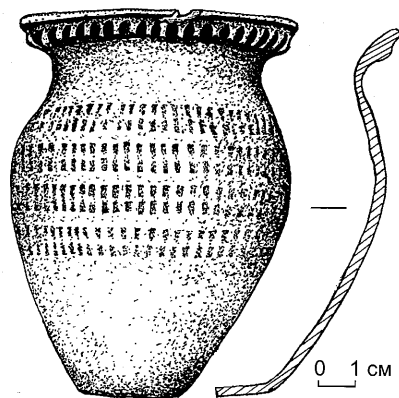

Рис. 5. Сосуд из жилища 2.

В юго-восточной части жилища на песчаный пол и частично на бересту была уложена подстилка из травы (ширина 1,2 м). Сверху она также покрыта берестой. На ней вдоль стены стояла керамическая посуда. В южном углу найдены развалы трех сосудов. В одном хранились маньчжурские орехи, в другом – мясо, в третьем были остатки сильно обугленных комочков сыпучего продукта (зерна проса?). Вместе с развалами посуды встречено особенно много костей животных и скорлупы маньчжурских орехов. Один из сосудов располагался на каменной плитке. Рядом с другой гранитной плиткой стоял небольшой целый горшок (рис. 5).

У северо-западной стенки жилища сохранилась плаха (ширина 15 см, длина 2,2 м). Рядом с ней найден фрагмент челюсти животного. Вдоль этой стенки была уложена травяная подстилка (ширина 30 – 40 см), на которой обнаружены многочисленные остатки костей и скорлупы ореха – мусор, заметный в процессе уборки под раму-основу. Наиболее интересные находки собраны у северо-восточной стенки жилища. Недалеко от восточного угла на травяной подстилке обнаружены обугленные деревянные фигурки, вырезанные ножом из плоских дощечек. Они лежали на бересте, под которой найден обломок массивной кости. В этом месте зафиксированы парные столбы (их диаметр 5 – 6 см), врытые в землю впритык друг к другу. На них опиралась плаха (ширина 20 см, толщина 2 см), другая располагалась рядом. Возможно, в собранном виде они представляли собой маленькую полочку, расположенную перпендикулярно стенке жилища. Один конец полки, очевидно, уходил под раму-основу. Пространство в восточном углу было забутовано ветками, а сама плоскость полки выстлана травой и покрыта берестой. Рядом с деревянными фигурками лежали единичный фрагмент керамического горшка и свиная челюсть. Возле полки находилось скопление сильно фрагментированных пред-

Рис. 6. Предметы мелкой деревянной пластики из жилища 2.

метов мелкой деревянной пластики. Большая их часть – это антропоморфные фигурки, другие представляют образцы декоративной резьбы, как в виде заостренных палочек, так и с вырезанными головками, напоминающие острые головы онгонов, но более длинные (3,5 – 4,5 см), или наконечники стрел. Здесь же встречены строганные щепки, у одной из них в верхней части кончиком ножа сделано треугольное отверстие, у другой по краю нарезаны мелкие зубчики. Возле той же северо-восточной стенки, ближе к северному углу жилища, найден развал деревянной посуды (может быть, ковша) с ручкой в виде объемного изображения головы и шеи птицы. Аналогичная ручка была в скоплении миниатюрных фигурок (рис. 6). Вдоль средней части стены лежала узкая (3 см) длинная (1,6 м) жердочка. Из других находок в жилище можно назвать: железную пряжку (рис. 7, 1), железный черешковый наконечник стрелы – срезень (рис. 7, 2), чугунный кельт (рис. 7, 3), каменные и керамические скребки (рис. 7, 4, 5), шлак. По всему полу были разбросаны мелкие обломки кальцинированных косточек и зубы животных. Под южным и восточным углами рамы-основы встречены кости черепа и зубы свиньи – строительная жертва.

Для жилища 2 получены две радиоуглеродные даты: 1560 ± 40 л.н. (ГИН-7238) и 1760 ± 40 л.н. (ГИН-7239), – которые позволяют датировать его серединой IV в. н.э.

Технико-технологический анализ деревянных онгонов

Технико-технологический анализ плотного скопления черных обугленных предметов позволил установить примерное первоначальное количество вещей, приемы и способы изготовления каждой фигурки, функциональное назначение комплекса изделий. Скопление

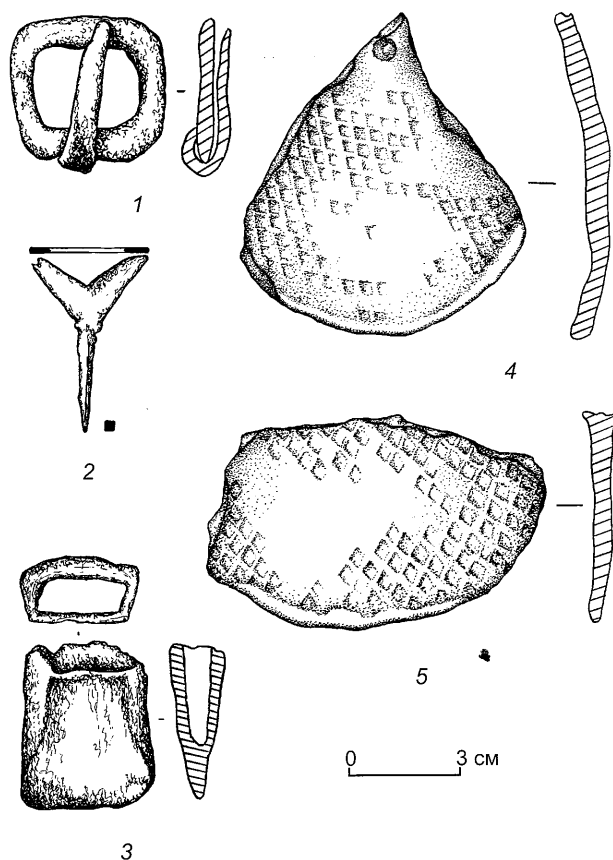

Рис. 7. Находки из жилища 2.

1 – железная пряжка; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – чугунный кельт; 4, 5 – керамические скребки.

представляло собой пучок примерно из 40 обугленных дощечек* (ширина до 3 – 4 см, длина 20 – 25 см), перевязанный шнуром, скрученным из двух ниток (рис. 8). Это плоские фигурки в виде контура человеческого тела, у которых руки начинаются прямо от шеи и обозначены трапециевидными выступами, ноги короткие, с развернутыми в стороны ступнями, разделены глубокими вырезами. На лицах отчетливо видны тонко прорезанные нос и рот с губами. Глаза показаны точками и передающими монголоидный тип лица черточками. Верхняя часть головы у одних фигурок заканчивается зубчиками, которых в зависимости от размеров изделия насчитывается от трех – пяти до восьми – девяти (рис. 9, 10), у других – острием, напоминающим асимметрично-ромбический наконечник стрелы (рис. 10 – 12). Количественной разницы между онгонами с зубчатой головой и остроголовыми нет (примерно по 20 – 21 экз. каждого типа). Фигурки, возмож-

* В более ранних публикациях называлась цифра 20 (см.: [Нестеров, 1995, с. 117]), но в процессе реставрации выяснилось, что общее количество онгонов больше. Приведенная в настоящей работе цифра получена по наиболее хорошо сохранившимся головам.

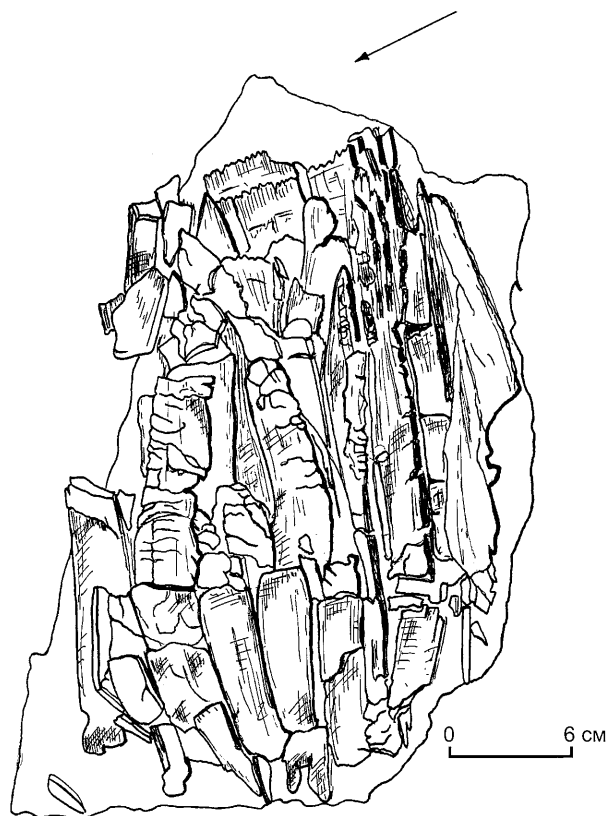

Рис. 8. Связка деревянных фигурок из жилища 2.

но, были окрашены с лицевой стороны*. Миниатюрные антропоморфные фигурки (длина 8 – 10 см) также имели зубчатое или остроконечное завершение головы и вырезанные на плоскости лица нос, рот и глаза.

Анализ поверхностей артефактов и изломов фрагментов выявил равномерную степень обугленности без уничтожения мелких деталей. Возможно, плотно связанные в пучок фигурки в момент пожара находились в каком-то тонкостенном футляре (среди обломков деревянных предметов есть фрагменты плоских дощечек с остатками шнура в отверстиях; см. рис. 6). Археологически целых (реставрированных) предметов насчитывается 12 шт. (рис. 13 – 15). Остальные представлены разрозненными обломками различных частей фигурок (рис. 16).

Все обнаруженные деревянные изделия по виду производства относятся к классу предметов с художественной резьбой. По способу обработки поверх-

* Примерно половина плоскорельефных фигурок имеют довольно значительную дугу искривления (см. рис. 15). Однако данная форма вторичная – результат воздействия древнего пожара, быстрой потери влаги в процессе раскопок, возможно, консервации в растворе ксиллола.

Рис. 9. Фрагменты зубчатых голов фигурок.

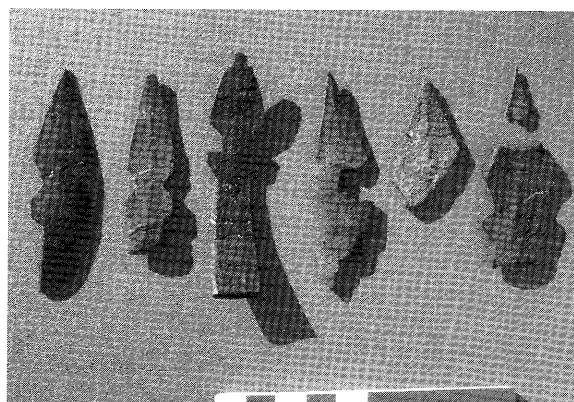

Рис. 11. Фрагменты верхних частей остроголовых фигурок.

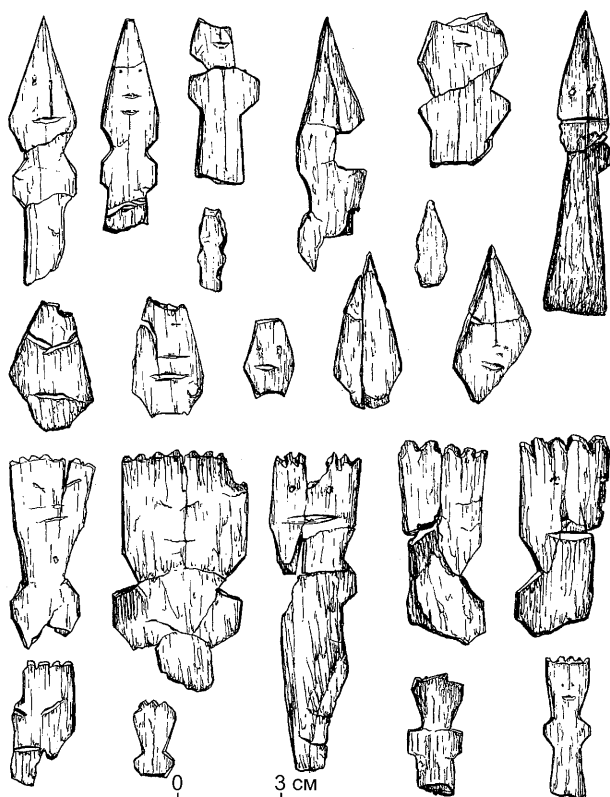

Рис. 10. Фрагменты голов деревянных фигурок.

ности (виду резьбы) это *плоскорельефные предметы* и *скульптурные изображения* [Мыльников, 1999, с. 230, табл. VII]. Плоскорельефные предметы в количественном отношении преобладают. Это стилизованные антропоморфные фигурки разнообразных размеров и форм. По особенностям изображения тела их можно объединить в несколько групп: с длинным туловищем – с коротким; с ножками – без них; с ромбовидной островежкой головкой – с зубчатой прямо-

Рис. 12. Фрагменты остроголовых фигурок.

угольной и квадратной. Скульптурные фигурки – головка птицы и две подвески: изогнутая конусообразная типа кабаньего клыка и прямой, круглый в сечении, с перехватами и заостренными концами стержень (см. рис. 6).

Все фигурки вырезаны ножом с тонким и острым лезвием. Резьба по технике исполнения – двугранно-выемчатая [Там же, табл. VIII]. В поперечном разрезе более половины плоскорельефных фигурок треугольные: обратная сторона плоская, лицевая двугранная с острым ребром посередине. У одних глаза обозначены маленькими круглыми отверстиями, повернутыми острием ножа или тонкого шила-колизавра; у других – это длинные, косые, сходящиеся к переносице двусторонние разрезы. Нос тоже показан по-разному: длинной прямой чертой от глаз ко рту; углубленной точкой возле рта; короткой поперечной черточкой. Рот оформлен в виде поперечных черточек-выемок различной формы, выполненных двугранно-выемчатой резьбой наклонными встречными разрезами (см. рис. 9 – 12).

Анализ структуры обожженной древесины показал, что плоскорельефные фигурки сделаны из молодой березы. Реконструкция технологии изготовления следующая. Березовый чурбак диаметром 5 – 7 см расщепляли кельтом или ножом на ровные широкие пластины толщиной 5 – 6 мм. Пластины-рейки тщательно острагивали с обеих сторон, равномерно срезая частыми короткими движениями острого ножа тонкие стружки. Одну из поверхностей обрабатывали таким образом, чтобы получились две ровные сходящиеся на ребро грани. На двугранную поверхность заготовки острием ножа наносили абрис будущего изделия. Затем аккуратно, контролируя нажим лезвия, срезали всю лишнюю древесину по контуру фигуры, обозначая треугольными поперечными вырезами голову, туловище, руки и начало ног. Вырезая длинный прямоугольник посередине нижнего края пластины, оформляли ноги. Ступни прямыми срезами делали вывернутыми в разные стороны (см. рис. 16). У антропоморфных фигур с прямоугольной или квадратной головой верхний плоский торец грани ровными наклонными срезами по всей длине с обеих сторон превращали в острый. На нем легкими осторожными движениями делали треугольные вырезы-насечки, направляя лезвие ножа наклонно с обеих сторон к вершине треугольника. В результате получался плоский головной убор, похожий на корону, или шапка волос, торчащих ежиком. У антропоморфных фигур с ромбовидной головой и у некоторых с прямоугольной треугольные выступы скул (в отдельных случаях

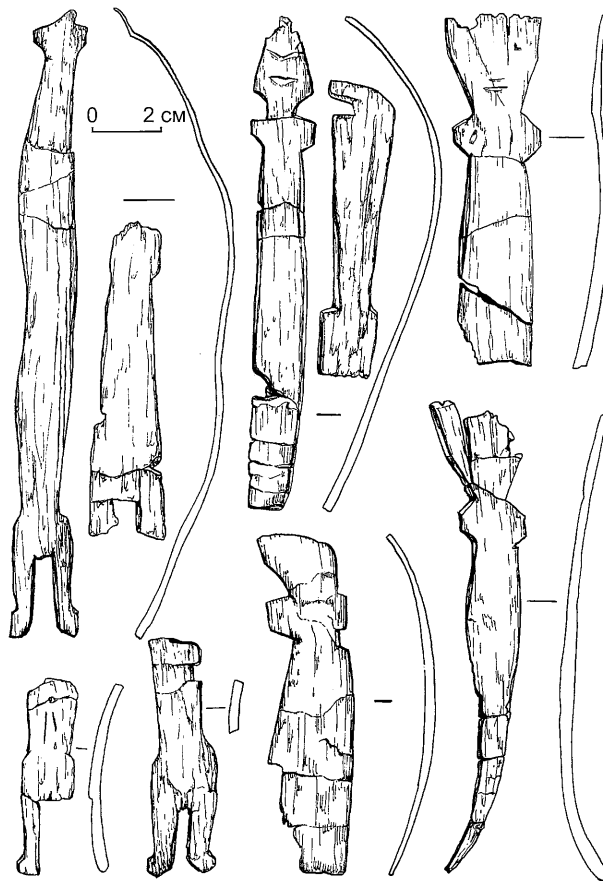

Рис. 13. Фрагменты деревянных фигурок.

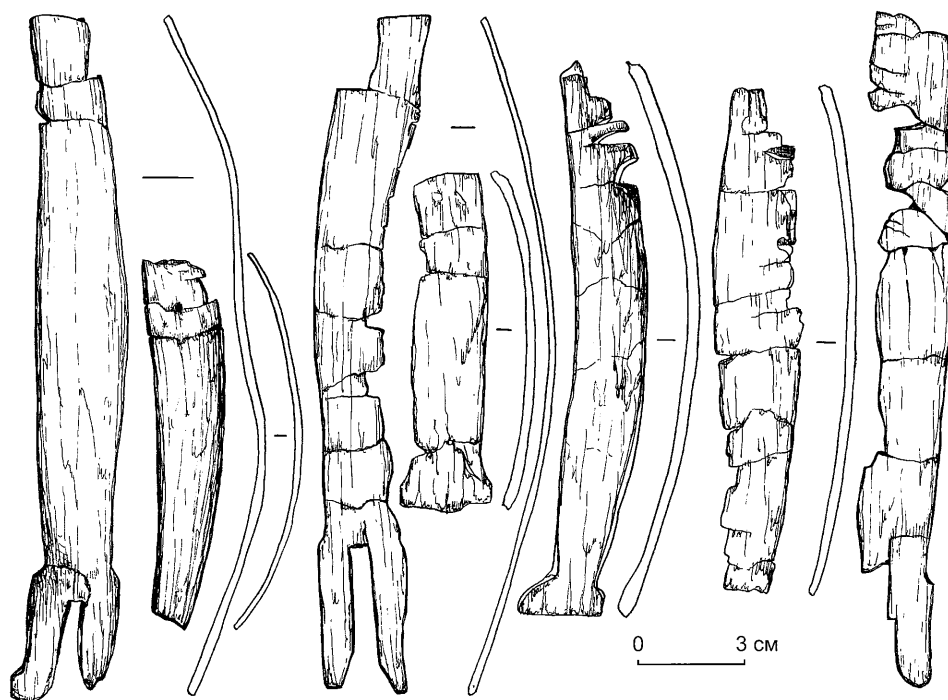

Рис. 14. Фрагменты деревянных фигурок.

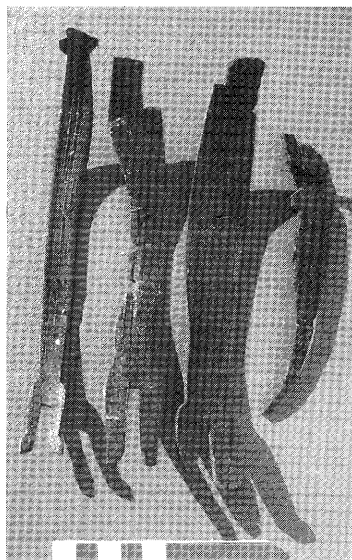

Рис. 15. Фрагменты деревянных фигурок.

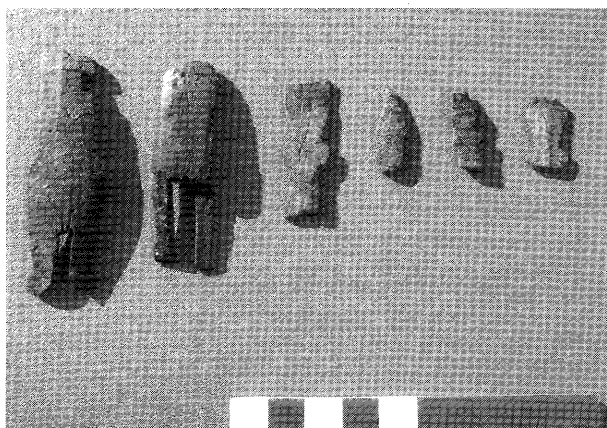

Рис. 16. Нижние части больших и верхние части миниатюрных фигурок.

и боковые грани) таким же образом с обеих сторон подрабатывали на острие. Кажущиеся на первый взгляд небрежными черточками изображения глаз, носа и губ являются желобчатыми треугольными выемками, точно и расчетливо прорезанными двумя движениями очень тонким лезвием ножа. Результаты обмера фигурок показывают, что многие из них выдержаны в определенном стандарте по размерам и профилю (рис. 17).

Назначение бурейских фигурок

При прочих равных условиях сохранности 18 сгоревших жилищ михайловской культуры, изученных на Михайловском городище (9) на р. Завитой [Деревянко, 1975, с. 52 – 87], на памятниках Букинский Ключ-1 (3)

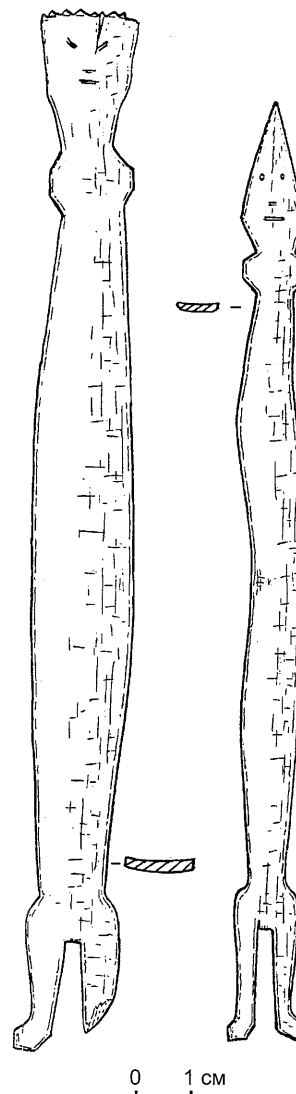

Рис. 17. Реконструкция деревянных онгонов с р. Буреи.

и 2 (2), Большие Симичи (4) на р. Буреи [Древности Буреи, 2000, с. 132 – 171; Нестеров, Шеломихин, 2002, с. 71 – 77], только в одном зафиксированы следы деятельности профессионального мастера – резчика по дереву, чем и объясняется сосредоточение мелкой деревянной пластики в одном жилище.

Однако анализ предметного комплекса показал, что обитатели симичинских жилищ, освоившие участок террасы на берегу одной из протоков р. Буреи, круглый год здесь не жили. В данном месте они занимались преимущественно первичной обработкой железа и выделкой шкур добытых на охоте животных. По данным анализа каменных орудий, последний вид занятий был на втором месте. В то же время необходимо учитывать, что в кожевенном деле использовались кроме камня керамические скребки и железные ору-

дия. Все это повышает долю обработки кожи в хозяйственной деятельности обитателей поселка. Отсутствие следов керамического производства на памятнике при наличии большого количества фрагментов посуды, а также целых горшков свидетельствует, видимо, о сезонном характере стоянки (в теплое время года, но не исключено использование построек в период зимней охоты), на которой возводилось только одно жилище (реже два, например, на памятнике Букинский Ключ-2). Рыбалка, сбор дикоросов, охота обеспечивали повседневное пропитание, а также использовались для заготовок продуктов на зимнее время. Отсутствие на памятнике большого количества железа и предметов из него при преобладании орудий для его обработки говорит о том, что оно полностью уносилось в места постоянного жительства после окончания заготовительного сезона. Все это позволяет квалифицировать памятник Большие Симичи как *сезонную стоянку*.

Некоторые факты*, зафиксированные во время раскопок бурейских жилищ михайловской культуры, говорят о том, что пожары в них происходили в период межсезонья, когда их хозяева уже покинули свои охотничьи угодья и переселились на зиму в постоянные поселки (правда, соотношение антропогенного и природного факторов в возникновении пожаров пока точно не установлено). Это свидетельствует о том, что найденная в жилище 2 связка онгонов не была изготовлена “на заказ”, а являлась продуктом “внутреннего потребления” обитателей данного жилища. На некоторых фигурках сохранились тонкие сквозные отверстия, провернутые тонким сверлом или острием шила-колизавра в их верхней трети. Возможно, фигурки выполняли роль амулетов-оберегов типа “идолов ментая” у верхнеамурских эвенков или хранителей домашнего очага, “святынь семьи и рода” [Мазин, 1984, с. 30]. Хранились они дома в специальном или укромном месте связанные в один пучок. Эту мысль подтверждает и их первоначальное местоположение. Не исключается и другое функциональное назначение данной категории вещей. Они могли быть составной частью набора ритуальных украшений пояса шамана. У нанайских шаманов “аями” (духи-покровители) представляли собой небольшие остро- или круглоголовые безрукие антропоморфные скульптурки в одежде. Фигурки духов у нанайцев “обычно режутся парами: дедушка – бабушка, мать – отец, муж – жена, брат – сестра и т.п.” [Жеребина, 1991, с. 172 – 173]. Современные даль-

невосточные шаманы перед камланием подвязывают к своему поясу пучки ритуальных антропоморфных фигурок, выполненных из дерева, кости и металла [Масумото Тэцу, 2000]. Факт нахождения онгонов в “упакованном” виде на специальной полочке в углу летнего жилища косвенно свидетельствует о их связи с промысловым культом. Такое положение вполне соответствует поведению людей, занимающихся таежным промыслом. После окончания заготовительного сезона они, прежде чем уйти со стоянки, подготавливают жилище и вещи к зимнему хранению (чистят очаг; увязывают ставшие ненужными изображения духов; переворачивают вверх дном сосуды и др.). Аналогичным образом поступали гольды (нанайцы). Они оставляли в охотничьем зимовье большое число различных охотничьих и хозяйственных вещей [Лопатин, 1922, с. 191]. У гольдских охотников на биваке находилось много различных сеонов. “Одни из них стоят на нарах, другие висят на стене или на особых кольшках близ зимовья, третьи привязываются непосредственно к охотничьим снарядам”, и нет данных о том, что после окончания промыслового сезона их забирали в постоянные поселки [Там же, с. 139].

Таким образом, бурейские деревянные онгоны середины IV в. н.э. являлись атрибутами, скорее всего, таежных промысловых культов монголоязычных северных шивэй (носителей михайловской археологической культуры III – X вв. н.э.), проживавших в данный период в Западном Приамурье [Нестеров, 1995].

Список литературы

- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 252 с.
- Древности Бурей** / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табарев, А.В. Чернюк; отв. ред. Е.И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.
- Жеребина Т.В.** К вопросу о реконструкции ритуальной жизни современных нанайцев (по материалам экспедиции Музея истории религии в Хабаровский край в 1989 г.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: ГМИР, 1991. – С. 169 – 179.
- Лопатин И.А.** Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. – Владивосток, 1922. – 370 с. – (Зап. Об-ва изучения Амурского края; Т. 17).
- Мазин А. И.** Традиционные верования и обряды эвенков-ороченов (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
- Масумото Тэцу.** Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с нижнего Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 118 – 124.
- Мыльников В. П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

* Например, в сгоревшем жилище 1 памятника Букинский Ключ-1 три больших сосуда (высотой до 46 см) находились в перевернутом вверх дном положении, что означало их “изъятие” из повседневного обихода (см.: [Нестеров, Алкин, 1999, с. 478 – 482]).

Нестеров С.П. Северные шивэй в Приамурье // Традиционная культура востока Азии: Археология и культурная антропология. – Благовещенск: Берендей, 1995. – С. 105 – 122.

Нестеров С.П., Алкин С.В. Исследования в долине реки Буреи на памятнике Букинский Ключ-1 в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН.

Декабрь 1999 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 478 – 482.

Нестеров С.П., Шеломихин О.А. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во Амурск. ун-та, 2002. – Вып. 3. – С. 71 – 77.

Материал поступил в редколлегию 17.01.03 г.